

18+

АННА ТИЩЕНКО
ЛЮДМИЛА ЕМЕЛИНА

*Встреча
в Рождество*

Людмила Емелина
Анна Тищенко
Встреча в Рождество

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51141477

ISBN 9785449824950

Аннотация

В эту ночь Санта Клаус – не легенда, а реальный мужчина с ледяной магией, красивым лицом и характером, от которого тают не только снежинки. Молли – обычная девушка, случайно оказавшаяся рядом. Их маршрут по загадочной считалочке «Апельсинчики как мёд» превращает Лондон в лабиринт тайн. Он – холод, созданный для одиночества. Она – тепло, которое он не готов потерять. Иногда Рождество – это когда ты встречаешь человека, ради которого готов переписать всю свою судьбу.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

21

Встреча в Рождество

Анна Тищенко

Людмила Емелина

© Анна Тищенко, 2025

© Людмила Емелина, 2025

ISBN 978-5-4498-2495-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Полисен сразу приметил этого странного типа на углу Риджент-стрит. Высокий черноволосый мужчина лет тридцати медленно шел по улице с любопытством разглядывая прохожих, словно впервые их видел. Он улыбался счастливой улыбкой, что, по мнению констебля Стампа, совсем уж неприлично для утра понедельника. На плече у него сидел громадный черный ворон, вдобавок мужчина был до странности легко одет. На улице 5 градусов, что для декабря, конечно, тепло, но все же быть в одной рубашке странного кроя это чересчур. Наверняка псих какой-нибудь. Ага! Вот оно.

На скамейке сидели девочки лет двенадцати, торопливо ели подтаявшее мороженое. Оно капало цветными каплями из размокших рожков, у одной были испачканы туфли.

Мужчина подошел к ним, присел рядом, церемонно представился. Девочки сначала смутились, но он что-то сделал с их мороженым, видимо, показал какой-то фокус. Они застыли, недоверчиво переводя взгляд со своих рожков на красивого незнакомца, потом заулыбались, разом загалдели и придвинулись к мужчине.

Ну, ясно, педофил. Стамп торопливо сообщил по рации, что вынужден покинуть пост, и рысью потрусил к компании на лавочке.

Одна из девочек, пухленькая блондинка с короткой стрижкой, несмело погладила ворона. Птица важно наклонила голову, словно здороваясь. А незнакомец, смеясь, открыл старомодный саквояж дорогой кожи, достал оттуда и вручил каждой туго набитый мешочек.

А! Так этот подлец еще и наркодилер! Стамп с рыси перешел на галоп. И вырос перед лавочкой, как грозный ангел мщения перед трепещущими жителями Содомы и Гоморры. К его разочарованию никто не затрепетал. Спасенные глупышки смерили его взглядами, в которых он не нашел ни грамма уважения и признательности, наркодилер педофил дружелюбно улыбнулся. Кожа у него была белее мела, что называется ни кровинки в лице. Над большими, темно-синими глазами, черные брови с крутым изломом, такого четкого рисунка, что казались нарисованными. Лицо мужественное, даже грубовато очерченное, и все же было в нем что-то удивительно породистое, благородное. Видимо, из этих,

у которых благодаря папочке денег куры не клюют. Ну, точно наркоман.

– Ваши документы! – рявкнул Стамп как можно свирепее и, не давая преступнику опомниться: – Чем это вы тут занимаетесь?!

– Дарю девочкам подарки, – медленно и с расстановкой ответил мужчина, для большей доходчивости показав констеблю мешочек.

Так, словно Стамп был старушкой на последней стадии деменции и ему требовалось объяснять элементарные вещи. Затем неторопливо достал из того же саквояжа документы и подал полисмену. Стамп обратил внимание на необычный хронометр, украшавший запястье мужчины. Циферблат был прозрачным, под ним двигались медные шестеренки и детали механизма, корпус был покрыт тонкой резьбой, инкрустирован драгоценными камнями. В таком же стиле был браслет и запонки. Полисмен чувствовал, что с трудом сдерживает растущее раздражение. Наверняка этот стимпанковский антураж стоил немалую сумму. Еще и косплеем увлекается, придурок.

– Зачем?

– Это же очевидно. Поздравить с наступающим Рождеством.

– С Рождеством, значит, ага, как же. Ну-ка, позвольте, мисс.

Стамп выхватил у девочки расшитый шелком мешочек,

открыл его и к немалому своему изумлению обнаружил там несколько изящных елочных игрушек. Стеклянного соловья с шелковым хвостом, искусно расписанную деревянную лошадку-качалку, прозрачный шар, в котором над еловым лесом крутились снежные вихри. Но вот на дне...

– Конфетки, значит, ага. Ну-ну.

Под негодующий возглас девочки полисмен развернул яркую обертку, разинул рот, как голодный птенец, и картинно надкусил конфету. Ничего. Это была самая обычная конфета, ну разве что очень вкусная. Стамп надкусил еще одну, потом третью. Выходит, просто педофил?

– Вы мои конфеты съели! – девочка была готова разрешиться.

– В чем дело, констебль? Разве я нарушаю закон, поздравляя с праздником Рождества детей? – взгляд незнакомца утратил приветливость.

– Санта Клаусом прикидываетесь? – ухмыльнулся Стамп, открывая документы мужчины, – Мистер...

Внезапно он запнулся, глаза его округлились.

– Мистер Санта Клаус? Год рождения 1692!? Вы издеваетесь?

– Это почему же? Такая фамилия, я же вашу не критикую. – Мужчина пригляделся к бейджу полицейского и не смог сдержать улыбки. – А мог бы.¹

---

¹ Stump (анг.) пень

Стампа побагровел. Потом издевательски хохотнул.

– А судя по дате рождения вы, значит, и есть настоящий Санта Клаус.

– Ну да. Но это как-то слишком манерно звучит, поэтому меня все зовут просто мистером Клаусом.

От наглости этого проходимца полисмена затрясло. Это надо же!

– Признавайтесь, что подсыпали детям в мороженое!

– Подсыпал? Послушайте, я же не повар. Мороженое таяло, я просто снова его заморозил...

Девочки с волнением слушали разгоравшийся спор, крутили головами, как галчата, переводя взгляд с одного на другого. Проходившие мимо люди кидали на них встревоженные взгляды, а наряженные рождественскими эльфами уличные певцы и вовсе теперь пели новогодние гимны, не отрывая глаз от Стампа и Клауса. Их было двое – юноша и девушка, одетые в красно-зеленые костюмы и украшенные венками из остролиста. В руках они держали неизменные коробки для пожертвований. Внезапно одна из девочек, та самая блондинка, вскочила на ноги и схватила полисмена за руку.

– Послушайте, мистер, вы не понимаете. Он правда Санта Клаус. Настоящий!

Повисла тишина, нарушаемая только шумом города и песней рождественских эльфов.

... We wish you a merry Christmas

And a happy New Year...

Стамп глубоко вздохнул.

– Мисс, вы уже взрослая девочка и должны понимать, что никакого Санта Клауса не существует. Как не существует волшебных говорящих птиц, – тут полицейский обвиняющим жестом указал на ворона, – эльфов и прочей ерунды.

– Это кого вы, невежественный молодой человек, тут ерундой назвали? – строго осведомился ворон.

Полисмен едва не выронил рацию. А птица неторопливо раскрыла угольные крылья и спорхнула с плеча хозяина на спинку скамейки. Мощные когти пробили верхнюю планку и глубоко вонзились в дерево.

– Это какой-то трюк, да? – пробормотал растерявшийся полицейский. – Вы чревовещатель? Я под гипнозом?

– Тогда зачем все это? – не слушая его, перебил Клаус, указав в сторону улицы.

Все горело праздничными огнями, надписи: «Счастливого Рождества» украшали каждый магазин, тесно соседствуя с надписями: «Рождественские скидки» и «Новогодняя распродажа». Крохотные лампочки мигали в венках остролиста, красные звезды пуансетий, будто вырезанные из бархата, украшали столики почти в каждом кафе. Звучали рождественские гимны, по воздухуплыли сладкие ароматы кофе с корицей и глинтвейна. Возле их скамейки на мусорном баке был приклеен рекламный плакат. На нем толстый, румяный, краснощекий Санта Клаус, залихватски взмахнув белой бородой и интимно подмигивая, протягивал бутылку кока

колы. Грязный уголок плаката отклеился и нервно дергался на ветру.

...Bring us pudding

And a cup of good cheer... – надрывались эльфы.

– Зачем? Чтобы бабки у народа вытягивать, – совершенно неожиданно для себя брякнул Стамп.

– Я не понимаю... – Клаус растерянно смотрел на людей, нагруженных покупками и подарками и снующими, как деловитые муравьи.

– Молодой человек имел в виду, – авторитетно пояснил интеллигентный ворон, – что ваш образ, а точнее вашего уважаемого папы, мистер Клаус, является прекрасным маркетинговым ходом и стимулирует рост продаж.

– Но...

– Я вообще всегда думала, что Санта Клауса придумали, чтобы кока-колу рекламировать! – влезла в разговор одна из девочек. На ней был шарфик с рождественским оленем Рудольфом и такая же шапочка. – А вы живой, оказывается! Здорово!

– Так значит, в Лондоне никто не верит в Санта Клауса? – Клаус резко встал со скамейки.

– ...We won't go `till we get some
So bring it out here!...

– Не, ну какая-нибудь сопливая малышня, может, и верит.

Неожиданно воздух стал ощутимо холодеть, словно ледяное дыхание коснулось кожи. С неба повалил густой снег,

причем Стамп мог поклясться, что идет он исключительно в небольшой части улицы, буквально в нескольких метрах от них вечернее небо было чисто.

– Мистер Клаус, мистер Клаус, – встревожено забормотал ворон, опасливо поглядывая на суровое лицо Клауса, – вы только не нервничаете. Точно вам говорю, это добром не кончится. Вам же нельзя, а то случиться...

Вся скамейка, сухо хрустнув, в мгновение ока покрылась толстой коркой льда. Ледяные кристаллы взметнулись из-под земли, одежда на всех присутствовавших заискрилась сахаром инея, а с дерева посыпались замороженные воробьи. Прямо как яблоки осенью.

– ... что-нибудь такое, – закончил свою мысль ворон, глядя на воробьев.

– Извините, пожалуйста! – спохватился Клаус, но извинения эти выслушать было некому. Девочки с визгом разбежались, полисмен несколько секунд был похож на церковного певчего – рот открыт, глаза выпучены. Но быстро пришел в себя и последовал примеру школьников.

– Сколько ж тебе говорить, – заворчал ворон, – надо себя контролировать. Я так и думал, что это дурная идея. Вот твой отец, он разве путешествовал в Большой мир кроме как на санях? Ни к чему хорошему это знакомство с людьми не приведет.

Клаус виновато вздохнул. Снег сейчас же перестал, в воздухе потеплело, а прохожие перестали обращать на них вни-

мание. Мимо прошла усталая мать семейства, нагруженная покупками, как выючный ослик. Ее шумный выводок бежал следом, хохоча и распевая песенки. Увидев ворона, малыши остановились, как вкопанные, самый маленький выронил полосатый леденец. Ворон решил покрасоваться, отвесил церемонный поклон головой, раскрыл припорошенные снегом крылья и громко каркнул. Дети с визгом попрятались за спину матери. Та проворчала что-то про домашних питомцев, которых следует держать в клетке или хотя бы на поводке, и удалилась, сгибаясь под весом праздничных покупок.

– Нет, ты слышал? – ворон проводил их возмущенным взглядом. – Питомец! Домашний! В клетке!

Не успел Клаус ответить, как на лавочку опустилась аккуратная старушка в старомодной шляпке. Клауса это не смущало.

– Меня, Ричард, другое огорчает. Похоже их волнуют только покупки и украшения. Я представлял себе Лондон и людей совсем по-другому. Где тот волшебный дух Рождества, о котором рассказывал папа, атмосфера священного праздника? Где вообще хоть кто-нибудь, кто верит в ме... в Санта Клауса? Похоже, здесь всех интересуют только деньги. Даже эти рождественские эльфы, вон, деньги собирают.

– Ну, эти собирают на благотворительность, а это дело весьма почтенное... – веско начал ворон, но его перебили.

– Но незаконное, – надменно возразила старушка. Она поправила перчатки и победно вздернула нос, совершенно

не удивляясь своему пернатому собеседнику. – Благотворительностью занимаются специальные фонды, и только они. Все эти фонды контролируются государством, а эти двое мошенники и попрошайки, любой ребенок это знает.

Эльф словно услышал. Предоставив своей спутнице одной возвещать миру о том, что грядет светлый праздник Рождества, он решительно направился к Клаусу. Старушка ойкнула, резво подхватила сумки и упорхнула, через мгновение ее поглотила пестрая праздничная толпа.

– Лейтенант Мелроуз, комитет королевской безопасности, – представился эльф, снимая с себя венок остролиста и раздраженно им обмахиваясь. – Приветствую вас в Лондоне, мистер Клаус, добро пожаловать, – и тут же, куда менее ласковым тоном: – Вы что творите?! Магия при людях?! Хотите невыездным стать?

– Что ж за день такой? – устало вздохнул Клаус. – То полиция, то комитет государственной безопасности...

– Так нарушаете регламент секретности!

Эльф орал так, что если, по мнению Клауса, секретность и была, то только что скончалась в агонии. Ворон попытался его перекричать, разумеется, безуспешно. Воззвал к логике, затем к здравому смыслу, привел цитаты из гражданского кодекса, даже Сальвадора Дали упомянул, возвеличивавшего право человека на ошибку. К счастью, шум стоял такой, что никто этого не услышал. Эльфийка тоже вносила свою лепту в этот пир разума и излишней душ:

... We wish you a merry Christmas...

Клаусу, наконец, удалось перекричать офицера:

– А вы, лейтенант, нарушаете местные законы. К вашему сведению, благотворительностью занимаются специальные фонды, и только они. Все эти фонды контролируются государством, а стоять на улице с жестянкой это попрошайничество. Смотрите, с каким осуждением смотрят на вас эти молодые джентльмены.

И Клаус картинно указал на группу парней с банками пива, которые уже с минуту прислушивались к перебранке. Завладев, таким образом, вниманием, парни загоготали, один хлопнул эльфа по спине:

– Зачетные уши, чувак! Где купил? В Хэмлис?

У эльфа желваки заиграли на скулах. Но боевой пыл он утратил. Пообещав лично разобраться с отделом по связям с общественностью, он пожаловался, что из-за проклятого праздника у них усиление, третье дежурство за неделю, жена в ярости, а приехавшая погостить теща только подливает масла в огонь. Этим женщинам совершенно наплевать на его сложную и опасную работу. Вот только что разбирались с подвыпившим горным троллем в районе Пикадилли.

– У нас минимум контактов с людьми должно быть, вы же знаете. А этот псих пришел в кафе, и давай всем рассказывать, что он настоящий тролль. Молчал бы, так сошел бы за культуриста, – жаловался эльф, потирая замерзшие уши, – так нет, пристал к двум официанткам, посадил их к себе

на колени, ну и хвастался, какой он крутой. А если не верят, он готов прямо сейчас это доказать. Еле спасли.

– Официанток?

– Да нет, тролля.

Клаус не сдержал улыбки.

– Послушайте, я знаю, наше королевство самым серьезным образом скрывает свое существование, но... Люди не безнадежны, право. Их душа открыта сказке, они понимают красоту и верят в чудо. Да вот, хотя бы.

Перед ними, как вкопанный, остановился малыш. Он с восторгом смотрел на эльфа, который в порыве чувств размахивал рождественским жезлом. Точнее палочкой, оклеенной цветной папиросной бумагой и украшенной блестками, остролистом и омелой. Но смотрелся этот бутафорский жезл совершенно волшебным. Лучистые детские глаза светились восторгом и обожанием. Офицер государственной безопасности смягчился и просветлел.

– С наступающим тебя, малыш! Хочешь конфетку?

Ребенок отрицательно покачал головой.

– Тогда ты, наверное, хочешь взмахнуть моей волшебной палочкой?

Эльф присел на корточки, чтобы ребенок не стеснялся и почувствовал себя увереннее. Мог не стараться. С энтузиазмом юности малыш схватился за длинные уши и со всей силы дернул их на себя.

– Офигительные уши! Мам, я хочу такие, купи мне!

По понятным причинам снять желаемое с головы бедняги ребенку не удалось. К счастью, песнь коллеги агента госбезопасности перекрыла и его стон, и хриплый кашель ворона, за которым он безуспешно пытался скрыть свой ехидный смех.

... We wish you a merry Christmas...

– Да спойте уже что-нибудь приличное! – взмолился Клаус. – Тошнит уже от этой пакости.

Эльфийка запнулась немного, помолчала и вдруг начала негромко, нежно, с ноткой грусти:

... Oranges and lemons, Апельсинчики как мед

Say the bells of St. Clement's. В колокол Сент-Клемент бьет

You owe me five farthings, И звонит Сент- Мартин:

Say the bells of St. Martin's «Отдавай мне фартинг!»

В воздухе словно поплыли звенящие голоса Лондонских колоколов. Тревожные, волнующие ноты, полные необъяснимой красоты и печали. Клаус вздрогнул. Почему она выбрала именно эту старинную детскую считалку? Никто сейчас ее не помнит, а уж какой страшный у нее конец... Клаус повернулся взглянуть на прохожих. Нет, никто и внимания не обращает, все так же жизнерадостно снуют между кафе и магазинами... И тут он увидел ее.

Девушка стояла, в волнении стиснув руки на груди. Снежинки падали на ее лицо и тут же таяли, загораясь алмазными искорками. Она была похожа на принцессу из сказки, ничего в ней не было современного, ничего, что роднило бы с этой толпой. Золотые волосы, слишком длинные и неуложенные, были на старинный манер переплетены тонкими косичками, фигурка имела те крутые изгибы, что привели бы в ужас современных модельеров, предпочитающих модели среднего пола. Ведь в современном мире никогда не знаешь, кто именно наденет твоё дизайнерское платье – мужчина или женщина. А эти женственные формы не портило даже мешковатое пальто, явно с чужого плеча, и потертые сапожки. На низком каблуке, а ведь она и так такая маленькая. Наверное, едва ему по плечо. Но самое главное, ее губы беззвучно повторяли слова давно забытой песенки.

Гомон людей, нудная речь офицера, нотации Ричарда... Все смолкло. Даже течение времени замедлилось. Так, будто он в зеленой стране эльфов. Только их магия повелевает временем, заставляя песчинки в часах вечности остановиться. Клаус, как во сне, шагнул вперед. Она подпевала. Сначала беззвучно, потом он услышал ее голос. Гораздо более чистый и звучный, чем у эльфийки, которая пела:

When will you pay me? И Олд Бейли ох сердит.

Say the bells of Old Bailey. Возвращай должок! – гудит.

When I grow rich, Все вернут с полочки! – хнычет

Say the bells of Shoreditch. Колокольный звон Шордитча.

– Откуда вы знаете слова этой старинной песенки?

– Так я сама из старинного городка. На самом севере Англии.

Обернулась с доверчивой улыбкой.

– Знаете, там у нас совсем ничего не происходит. Кажется, веками. Матери поют детям те же колыбельные, что и пять веков назад, рассказывают долгими зимними ночами страшные сказки, что слышали от своих бабушек. На главной площади паб «Black guy», ему 500 лет. Смена названия – новости еще на полвека.

– А он сменил название?

– Что вы, нет, конечно. Как можно. Хотя неплохо бы, в наш век толерантности.

Оба рассмеялись.

– Знаете, мне бы так хотелось увидеть все эти храмы. Сент-Мартин и Олд-Бейли. И другие. Но я впервые в Лондоне и ничего тут не знаю, и никого, и мне...

Она немного смешалась, покраснела и робко взглянула в его смеющиеся глаза:

– ... немного страшно, если честно.

– Если позволите. Я тоже впервые в Лондоне, но устрою вам маленькую экскурсию по всем старинным храмам, по средневековому Лондону. Я могу узнать ваше имя?

– Молли. Ой. То есть я Мэри. Мэри Спринг. «Молли» меня мама зовет и братья.

– Могу я... Тоже?

– Да.

Церковь Сент Клемент находилась в узком переулке Святого Клементя в самом сердце Лондонского Сити, буквально в паре шагов от станции метро Monument. Странно было увидеть романскую башню, зажатую в тисках стекла и стали. Арочные входы, круглые окна-розы, теплый, серо-золотистый камень. Словно книгу с волшебным рыцарским романом забыли в супермаркете. Был вечер, деловое сердце Лондона стихло. Опустевшие офисные здания смотрели темными, слепыми окнами в ночь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.